

Ин Николаевич
Лебедев

**О себе
и не только**

Ин Н. Лебедев

**О себе и не только.
Автобиографическая проза**

«Издательские решения»

Лебедев И. Н.

О себе и не только. Автобиографическая проза / И. Н. Лебедев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-965247-8

Автобиографическая проза. Бесхитростный рассказ о судьбах одной семьи,
начиная с начала XX века до наших дней. Ничего героического. Просто
жизнь.

ISBN 978-5-44-965247-8

© Лебедев И. Н.
© Издательские решения

Содержание

О СЕБЕ И НЕ ТОЛЬКО	6
О моих предках	7
Детство. Ссылка. Война	12
Великая Отечественная война (1941—1945)	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

О себе и не только Автобиографическая проза

Ин Николаевич Лебедев

© Ин Николаевич Лебедев, 2019

ISBN 978-5-4496-5247-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ин Н. ЛЕБЕДЕВ

**О СЕБЕ И НЕ ТОЛЬКО
(СУЧАН, СРЕДНЯЯ АЗИЯ, ПРИМОРЬЕ,
КОЛЫМА, ТОМСК, ВОРОНЦОВКА, ОМСК)
Автобиографическая проза**

Омск—2019

О моих предках

После выхода Закона РФ от 18.10.1991 «О реабилитации жертв политических репрессий» я занялся этим вопросом всерьёз, так как наша семья тоже пострадала в своё время.

Приступил к поискам документов, которые могли бы подтвердить факт нашей ссылки. Коснувшись этой темы, обнаружил, что данное занятие очень даже непростое. Десять лет пришлось потратить, прежде чем хоть что-то удалось найти. В итоге получил единственную справку из информационного центра МВД Узбекистана, которой подтверждался факт ссылки только отца.

Поэтому этот документ не мог являться основанием для признания нашей семьи пострадавшей от политических репрессий. Обращения были отправлены во многие места: в Приморский край, в Южно-Казахстанскую область, в Ташкент, в Центральный архив РФ, в УФСБ Омской области и т. д. Мы, дети, фактически ничего не знали: за что и почему наши родители были высланы. Мало что знаем и о ближайших родственниках. Особенно о родственниках по отцовской линии.

НАРОДНИЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРІШНІХ СПРАВ УСРР
Відділ Актів Громадянського Стану

НАРОДНИЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРІШНІХ ДЕЛ УССР
Отдел Актів Громадянського Стану

Дніпропетровське Городське
Зав. бюро ЗАГС
г. Дніпропетровськ
Дніпропетровської Обл.

**ПОСВІДКА ПРО ШЛОБ
СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ**
№ 79

Гр. Іван Іванович Іванов
(ім'я) (фамілія)
(ім'я і по-батькові) (ім'я і отчество)

Гр-ка Марія Георгіївна Георгіївна
(ім'я і по-батькові) (ім'я і отчество)

вступили в шлюб, про що в книзі записів актів громадянського стану про вступили в брак, о чем в книге записей актов гражданского состояния о шлюб 11 VI - 1899, місяця шостого шостого шостого в шлюб (прописом і цифрами рік, число і місяць) (прописью и цифрами год, число и месяц)

зроблений відповідний запис.
произведена соответствующая запись.

Іван Іванович Іванов (ім'я) (фамілія)
(ім'я і по-батькові) (ім'я і отчество)

Марія Георгіївна Георгіївна (ім'я) (фамілія)
(ім'я і по-батькові) (ім'я і отчество)

Зав. бюро ЗАГС

В минуты отчаяния сожалел о том, что мы действительно являемся Иванами, не помнящими родства. Именно поэтому надо было по крупицам собрать хоть что-то о близких и дальних родственниках.

Наши потомки должны продолжить семейную летопись. Вопрос: подхватят ли?
А что же мы знаем о своих родителях? Пока очень и очень мало.

*Мой отец Лебедев Николай Иннокентьевич,
моя мама Наводкина Любовь Евгеньевна и сестра Мирра.*

Мать моя – Наводкина (в подлинниках Навоткина) Любовь Евгеньевна. Хотя и в отчестве есть несоответствие, потому что в свидетельстве о браке её матери, а моей бабушки, следует: отец мамы имел имя Макс Евгеньевич (по некоторым данным, и немецкую фамилию Навод (т) ки). Отсюда получается, что мама по отчеству должна именоваться Максовой. Родилась она в 1904 году в городе Верхнеднепровске.

НАРОДНИЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРІШНІХ СПРАВ УСРР
Відділ Актів Громадянського Стану

НАРОДНИЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ УССР
Отдел Актів Громадянського Стану

Дніпропетровське Громадянське Бюро ЗАГС
г. Дніпропетровськ
Дніпропетровська Область

ПОВІДКА ПРО ШЛОБ СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ
№ 79

Гр. Навоткин (прізвище) (фамілія)
Макс (ім'я) (імя) (по-батькові) (отчество)

Гр-ка Сиверс (прізвище) (фамілія)
Марфа (ім'я і по-батькові) (імя і отчество)

вступили в шлюб, про що в книзі записів актів громадянського стану про вступили в брак, о чем в книге записей актов гражданского состояния о шлюб 11 VI - 1889, місце браку (пріписком і цифрами рік, число і місяць) (пріписью и цифрами год, число и месяц) в місті Кенігсберзі

зроблений відповідний запис.
произведена соответствующая запись.

Навоткина (прізвище після шлюбу) (фамілія после заключения брака)
Марфа (імя) (імя)

Зав. бюро ЗАГС Дворов

По материнской линии – она немка. Её мама Марфа (Мавра), 1882 года рождения, из семьи Сиверс (эта фамилия очень знаменитая была в царской России), которые проживали в Кёнигсберге. Кроме фамилии, далее ничего не известно. Однако, со слов моей мамы, её дед Сиверс (а может быть, Навоткин Макс Евгеньевич, мой дед) являлся почетным гражданином города Риги: известен там как высокопрофессиональный специалист по строительству стационарных мельниц. В семье Сиверс было три дочери: моя бабушка Мавра и её сёстры Анна и Ядвига.

М. В. Д. О К Р У Г И

Ев-Литеранской Консистории
Шастора
Радарек прихода.

СПРАВКА
изъ списка умерших 1917 г. № 47 (для общего списка членов с.) губ.

Имя и фамилия умершего.	Лета его.	МЪСТО И ДЕНЬ.	
		Смерти	Погребенія.
<u>Макс Навоткин</u> <u>сретенск. лот. в Кенігсберзі</u>	<u>1917</u>	<u>21. февраля</u>	<u>2. февраля</u> <u>1917г.</u>

Саша
3-го июня 1919 г.
№ 94.

Пастор Лесин

Ф. № 53.

Семья Навоткиных была большая, аж семь человек: моя бабушка Мавра с дедушкой Максом, пять дочерей (Любовь, Анна, Ольга, Вера, Лида) и сын Виктор (умер совсем маленьким от солнечного удара).

До Первой мировой войны, перед её началом, по царскому указу были высланы из западных приграничных районов России все немцы. Переселялись и Навоткины из Верхнеднепровска в Оренбургскую губернию. Переезд туда был долгим, так как вся семья следовала на подводе через Украину и Россию.

И только через пять лет Навоткины вновь возвращаются на прежнее место, но уже в Екатеринослав (ныне Днепропетровск). Бабушка имела неоконченное начальное образование.

До замужества моя мама успевает получить по тем временам приличное образование – неоконченное гимназическое. Это-то образование и помогло ей в дальнейшей жизни. А трудовую деятельность она начала в военном госпитале города Винницы в 1923 году. Сначала в качестве санитарки, а затем секретарем-машинисткой, так как проявила себя грамотным работником. В 1926 году мама выходит замуж за Лебедева Николая Иннокентьевича, 1895 года рождения, уроженца Красноярска. В ту пору 31-летний симпатичный военфельдшер работал в том же госпитале.

По линии отца мне известно значительно меньше о предках и родственниках этой ветви древа жизни. Семья моего деда Иннокентия (Петровича?) также была большой. Вместе с детьми их было шестеро: сами родители и дети: дочь Вера 1883 г.р. и сыновья Пётр, Степан (или Александр) и Николай. Дед был волостным писарем (какой волости – не знаю), но жил и работал в Енисейской губернии (ныне Красноярском крае). Мои двоюродные дядьки Пётр – офицер царской армии, Степан – известный в то время спортсмен России. Оба они эмигрировали во время гражданской войны в Маньчжурию. Дальнейшая судьба их мне также пока неизвестна.

Семья Машковцевых: моя тетья Вера, её муж и их дети.

Тётя Вера в 1937 году проживала в Свердловске, муж её офицер (на фотографии один ромбик – бригадный комиссар), фамилия его Машковцев, а имени и отчества также не знаю. Их дети: Антонина 1914 г.р., Галина 1918 г.р. и Сергей 1921 г.р.

Поженившись, мои родители в том же 1926 году переезжают с запада на восток и устраиваются на работу в городе Сучане Дальневосточного края (ныне Партизанск Приморского края) на Сучанском руднике: мама – машинисткой секретариата рудоуправления, отец – ответственным секретарём районной газеты. За семь лет работы в Сучане был: зав. агитполитотделом РК ВКП (б), зав. орготделом Сучанского ЦРК (что такое – не знаю), зав. партотделом и ответственным редактором районной газеты «Красный сучанец».

Детство. Ссылка. Война

Сучан (ныне Партизанск Приморского края). Мама вместе с нами.

В 1927 году в Сучане родилась моя сестра Мирра. А уже в 1930-м, 14 апреля, родились мы, двойняшки, – я и мой брат Радий. Все трое мы были наречены новыми именами. В тридцатые годы течение на новые имена уверенно набирало силу. Каждый десятый родившийся получал мудрёные имена, такие как: Владилен, Сталинина, Тракторина, Октябрина, Гелий и т. д.

Город Ворошиловск. Мама со мной и Радиком, рядом соседи.

После рождения я был очень слабым, больным ребенком. Болезни меня преследовали до призыва в Советскую Армию.

Город Гродеково, 1935 год, второй слева я, рядом отец, мама и соседка.

В 1933 году родители переезжают на другое место жительства – сначала в город Лесозаводск, затем – в Уссурийск. И последний пункт – город Гродеково (Пограничный). Отец за три года, вплоть до февраля 1936-го (до момента ареста и высылки), работал в газете «Штурм» – ответственный редактор; зав. сельхозотделом областной газеты «Коммунар» (Ворошиловск), затем – ответственный редактор районной газеты «Приграничный колхозник» (Гродековский район).

Чуть не обернулся бедой наш семейный поход на речку Уссури в Лесозаводске. Все мы оказались на берегу реки как отдыхающие. Отец отошёл по работе на полчаса, а мы с братом решили зайти немного в воду. Тут один из нас проваливается в омут, второй – к нему инстинктивно на выручку. Мгновение – и нас обоих захватил бурный поток. Мама, естественно, в панике. Она не сразу заметила, что мы куда-то исчезли. Спасло то обстоятельство, что река на некотором расстоянии оказалась с перекатами и мелкой. И вечная память тому, кто тогда нас спас. Неподалеку оказался какой-то мужчина. Мама рассказывала, что никогда в последующей жизни не переносила большего шока, чем тот.

Возвращаясь к образованию отца. Откуда при таком-то образовании такие литературные способности, журналистский талант? Я думаю – от его отца (моего деда). Забегая вперёд, так и хочется «переложить вину» на гены. Видимо, так оно и есть. Теперь уже «писцами» стали четыре поколения Лебедевых: дед, отец, я и сын Михаил (ныне журналист).

Все трое, сестра и мы с братом, росли любознательными детьми. Так как сестра была старше нас, она-то и приносила в дом первой новые книжки, игрушки. Жили мы всегда бедно. В квартире было всё самое необходимое в ту пору: кровати, конторский шкаф для одежды и белья, обязательно – этажерка с книгами. На Дальнем Востоке во всех квартирах, где бы мы ни жили, был телефон. Видимо, работникам газет этот аппарат (а он в то время был объёмным настенным прибором) полагался. Телефон на дому очень часто оказывался «скорой помощью». Для меня очень часто вызывали врача. Своевременное лечение в ту пору положительно сказалось в дальнейшем на моем здоровье. Может быть, только поэтому и живу уже более 80 лет! Разумеется, отец как бывший медработник также занимался моим лечением.

С февраля 1936 года жизнь нашей семьи начинается уже с нового листа. Политические репрессии не обошли и нас. Как-то ночью являются к нам несколько человек и предлагают родителям за часы собрать вещи и отправиться вместе с ними. Затем нас привезли в Уссурийск, где и формировался эшелон с репрессированными.

В течение какого-то времени был все-таки сформирован эшелон из вагонов-теплушек. Потом нас везли в неизвестном направлении. Мужчины – в вагонах за колючей проволокой и с конвоем. Семьи с детьми, стариками – в том же эшелоне, но отдельно от мужчин и без

конвоя. Время зимнее, в теплушках было очень холодно. Изредка теплушки отапливались, когда на станциях удавалось запастись дровами или углём.

До места ссылки ехали около двух месяцев. В самый холодный период зимы мы следовали с востока в Среднюю Азию. Те сибирские морозы невозможно забыть. Конечным пунктом нашего следования в ссылку была станция Велико-Алексеевская (ныне Бахт). Для дальнейшего проживания – отбывания в ссылке – мы с семьёй оказались в Каучуксовхозе №12 Пахта-Аральского района Южно-Казахстанской области. Родителям была предоставлена работа сразу на второй день прибытия.

Фото. 1936 год позади. Наступает относительно нормальная среднеазиатская жизнь.

Отец принят фельдшером в совхозную больницу. А мать вновь работает секретарём-машинисткой. Дата устройства на работу – 8 апреля 1936 года. Вот и получается, что добирались до места назначения ровно два месяца.

Сестра Мирра в сентябре идёт в школу во второй класс. Впереди у нас с братом два дошкольных года. И мы с ним почему-то около двух лет ходили в совхозный детский садик. А так как мы были детьми общительными, вскоре обзавелись друзьями.

Каучуксемсовхоз №12. Совхозный детский лагерь.

В том возрасте мы не замечали недружественного отношения к нам, ссыльным. Уже потом, в школьные годы, мы стали понимать, что другого отношения и не могло быть, так как большинство работавших в совхозе – такие же репрессированные.

Местный детский лагерь комсомольцев, пионеров, октябрят и «мелочь» беспартийная.

В их числе русские (из раскулаченных), корейцы и даже китайцы. В совхозе отец находился под надзором ОГПУ (Объединенного государственного политического управления). Под их оком, оказывается, были все бывшие большевики-коммунисты.

Совхозная «элита». В первом ряду средний в белой фуражке – мой отец, Справа у стойки – мама.

К числу совхозной элиты относилось немного людей из примерно 800 жителей: главный бухгалтер Торопкин В. Н., главный агроном Панфилов В. А., мой отец, мама и директор школы Чен Александр Николаевич. Практически на них и держалась вся общественная работа. Отец, имеющий опыт клубной работы по Виннице, постоянно что-то организовывал. И, надо сказать, до войны жизнь совхозников вне работы была занята какими-то интересами: работал драмкружок, кружок народных инструментов. С этим коллективом выезжали в соседние колхозы: им. Чкалова, Политотдела и Пограничный. Даже была футбольная команда.

Мирра и я за шахматами, 1940 год.

В 1938 году мы с братом пошли в первый класс. Тогда в школу принимали с восьми лет. До школы мы уже умели как-то читать и даже немного писать. Поэтому, видимо, и преуспевали. До пятого класса были отличниками. В школе проявляется во мне способность к рисованию, и уже с третьего класса и все последующие годы меня постоянно привлекали к стенгазетам: рисунки и др. С благодарностью до сих пор вспоминаю нашу учительницу русского языка и литературы Чен Веру Николаевну (сестру А.Н.), которая помогала мне развивать в себе художника.

К моему слабому здоровью в среднеазиатских условиях на многие годы привязывается малярия. От неё я смог избавиться, только поменяв местожительство. Но это будет только через десять лет.

Изобилие фруктов, овощей, бахчевых и другой зелени очень благотворно сказывалось на здоровье. Их низкие цены здорово решали проблему питания. А цены были такие (при зарплате в 400 руб.): бахчевые – 4—5 коп., помидоры – 3 коп., персики и абрикосы – 8—10 коп. и т. д. В совхозе была собственная бахча, имелся неплохой общественный сад с яблонями, абрикосами и сливами. Отдельно располагался вишнёвый сад.

Помимо основного сельскохозяйственного направления – каучуководства, совхоз имел конюшню на 20—30 лошадей, поголовье крупного рогатого скота и хорошую отару овец в 600 голов. В столовой и детском садике продукция животноводства всегда была востребована. Свежее молоко и мясо, овощи и фрукты ежедневно поставлялись на стол. Выращивались на совхозных полях пшено, кукуруза и маш (бобовая культура, по форме напоминающая маленькую фасоль зеленоватого цвета). Совхоз до войны занимал лидирующее положение в главке.

Основная культура на полях – каучук. Что же это такое? А это с виду обыкновенный одуванчик-каучуконос. Только в своих тканях он накапливает больше резины-молочка, чем обыкновенный одуванчик. Богаты этим молочком растения сорта тау-сагыз, крым-сагыз и кок-сагыз. Летом, с мая по июль, собираются семена, представляющие собой одуванчиковый пух. На время сбора семян на поля выходили все – от школьников до конторских работников, от сторожей до механизаторов. Поле, которое подлежало уборке семян, обязательно предва-

рительно заливалось водой из арыков. Делалось это для того, чтобы семена лучше держались на стеблях и не осыпались от легкого дуновения ветра. Все в поле, мужчины – засучив брюки, а женщины – подняв (закрепив) подола, должны были убрать семена с подготовленной плантации. Норма для взрослого – 300 граммов, школьникам – 150. Мы всегда по-детски радовались, когда подует ветер. Это значит, что семена будут «собраны» и без нас.

В июле-августе с полей убирались (выкапывались) корни каучуконосов. После сбора корни высушивались на солнце, а затем отправлялись на перерабатывающий завод. Эти каучуконосы всегда считались стратегическим сырьём. Выполнение плановых заданий было обязательным.

Кроме основной работы, каждая совхозная семья имела надел земли и какую-то живность. Здесь тоже надо было приложить немало сил. Перед войной мы имели трех овец, несколько кур и кроликов. Мы подрастали и уже могли помогать родителям. В нашу обязанность входило: отправить в стадо и встретить овец; на ночь обеспечить овец травой, которую заготавливали для них с вечера. Благо трава росла недалеко от сараев.

После окончания второго класса в 1940 году на каникулах меня, дохлика, мама отправляет в детский санаторий, который располагался за 150 км от дома (ст. Сас-Тюбе). Санаторий оказался прекрасным для поправки здоровья. Кормили и обслуживали нас очень внимательные взрослые воспитатели. Два раза в день, перед завтраком и обедом, прямо у дверей столовой каждый ребенок должен был выпить столовую ложку рыбьего жира. Для нас это было наказанием, так как рыбий жир пить без страха было просто невозможно. Пробыв в санатории полгода, мы вдвоем с одноклассниками решили убежать куда подальше от обязанности употребления того самого жира. После завтрака как-то смогли преодолеть забор и отправились по довольно пыльной дороге к станции Сас-Тюбе, до которой примерно пять километров. Через три километра нас догнали сотрудники санатория и на бортовой машине отправили назад поправлять здоровье. Так закончилась моя первая в жизни самоволка.

Возвращаясь к моей малярии. Кто с этим знаком, тот может представить страдание такого больного. Возбудитель – комар малярийный анофелес, переносчик этой болезни. Болезнь всегда многократно повторяется приступами, протекающими с ознобом, повышением температуры до 40—41 градуса, которая спадает через несколько часов, приступ заканчивается сильным выделением пота. Приступы могут повторяться через четыре-пять дней. После неоднократных таких циклов развивается малокровие, поражается селезёнка. Тогда малярия лечилась примитивно: порошки и таблетки хины, хинина и акрихина. От многократного употребления этого препарата во рту остаётся очень сильная горечь на несколько дней. При употреблении даже сладкой пищи всё кажется горьким. Пропадает аппетит. А когда кажется, что болезнь отступила и приходит аппетит, а здоровье пошло на поправку, то, к ужасу, наваливается следующий приступ. И так почти всё лето связан по рукам и ногам этим недугом. По мере моего взросления приступы малярии становились реже. Но они меня не оставляли до 1951 года.

Политические репрессии 1936—1938 годов очень осторожно обсуждались у нас в доме. Ну а на улицах этой темы старались не касаться. Иногда я заставал отца вместе с директором школы А. Ченом за разговором о текущих политических делах в стране. При появлении кого-нибудь из посторонних разговор переводился на шахматы или общественную работу. Кстати, оба они неплохо играли в шахматы. Отец очень часто настаивал на том, чтобы я обязательно осилил эту науку.

Больше всех, конечно, трудилась наша мама. На её плечах в основном лежали все домашние дела: приготовление еды, стирка, штопка, шитьё, занятия с нами, сорванцами. Мама очень умело помогала нам в школьных делах. Из-за нашей бедности одежда желала быть лучшей. Особенно в военные годы мы нашу маму видели постоянно согбенной над штопкой чулок, носков, брюк и всего-всего остального. Но и мы все-таки после выполнения школьных заданий

помогали по дому. Мирра в основном занималась уборкой квартиры и мыла пол. Заготовка корма для живности, обеспечение водой, дровами и углем – забота моя и брата.

Позади финская военная кампания 1939 года. Но германский фашизм уже шагнул по Европе. Ежедневные сообщения ТАСС по совхозному большому репродуктору, который был установлен в центре усадьбы на красивой дорожной арке, приносили тревожные вести. Фактически империализм с нападением на Польшу 1 сентября развязал Вторую мировую войну. До 1941 года немецко-фашистская армия уже оккупировала много европейских стран, почти пол-Европы.

В довоенные, военные и послевоенные годы физическому воспитанию в стране уделялось огромное внимание. Даже в совхозе имелся тир, сдавались в обязательном порядке нормы ГТО по возрастным группам. Каждый должен был уметь хорошо стрелять. Выполнившие нормы ГТО («Готов к труду и обороне») имели право гордо носить на груди значки «ГТО» и «Ворошиловский стрелок».

Великая Отечественная война (1941—1945)

22 июня 1941 года жители совхоза через домашние репродукторы услышали это страшное слово – «ВОЙНА». Был воскресный день. Но в пору уборки семян выходные переносились на более позднее время. Почти все уже были на полях. За час о случившемся узнали все жители усадьбы.

После обеда уже появились работники райвоенкомата. Прямо на площади у конторы собрался почти весь люд совхоза: взрослые, старики, женщины и дети. На митинге сначала выступил, как сейчас помню, работник политотдела района. Говорил он очень страстно и очень нужные слова. Стоял вселенский плач. Выступали и военнообязанные, и добровольцы. На следующий день все мобилизованные отправлялись напрямиком на ж/д станцию Велико-Алексеевскую. А оттуда – на фронт.

В первые месяцы войны прибыли в совхоз депортированные из районов Западной Украины. Они сразу же были поставлены на учёт под надзор коменданта. Так как украинцев привезли в июле, в самую жару, более половины из них не вынесли азиатских климатических условий и умерли.

В 1942—1943 гг. ряды депортированных пополнили чеченцы, ингуши, карачаевцы, немцы Поволжья и Грузии, армяне и поляки. В ряды защитников Отечества призывались казахи, узбеки и русские – исключительно те, кто не имел ограничения в политических правах. Положение на фронтах становилось плохим, поэтому из оставшихся мужиков из числа корейцев, китайцев и некоторых русских формировалась трудовая армия, которая и работала на лесоповале, в шахтах и других особо опасных работах. Многие не возвратились домой из трудовой армии. Умирили от тяжелого труда и голода.

Отца на фронт и в трудовую армию не призывали. Оставили трудиться за троих. Он работал как медфельдшер в совхозной больнице, на участке Кара-Кыр (в 15 км от места жительства) и участке Кунгур (8 км). Чаще всего на работу добирался на велосипеде – велосипед же являлся транспортом скорой помощи. Кстати, в ту пору велосипед считался серьёзным транспортом, так как он обязательно регистрировался в автоинспекции с обязательной выдачей номера. Другого транспорта не было. Ходил и пешком. Из-за отсутствия врачей в тылу (их почти всех призывали на фронт) отцу приходилось дополнительно обслуживать ещё два близлежащих колхоза. В общем, даже в совхозной больнице он был меньше, чем в других местах.

С началом войны жизнь людей в тылу заметно изменилась. Надолго появился участок комендатуры, который довольно строго осуществлял надзор за депортированными. Вступил в силу закон военного времени. А это означало, что всё здоровое население обязано было добросовестно и самоотверженно трудиться. Отныне по закону за однократное опоздание следовало наказание – вычитание из зарплаты 20% в течение шести месяцев. За повторное опоздание – соответственно 12-месячное удержание, также по 20%. Затем за подобный проступок полагался год исправительно-трудовых работ.

Все, кто состоял на учёте в комендатуре, должны были на каждый выезд даже в соседние пункты получить разрешение у коменданта.

В 1942 году в совхоз прибыли эвакуированные: Старооскольский детский дом и несколько десятков советских граждан из прифронтовых мест – из Курской области и из Калинина. Если под детский дом смогли приспособить одну из школ, то с размещением отдельных эвакуированных товарищей было намного сложнее. Потеснение в жильё всегда считалось проблемным вопросом. Однако положение обязывало оставаться людьми и в таких ситуациях. Люди проявляли человечность.

Жизнь заметно менялась в худшую сторону. В столовой ассортимент и качество уже совсем никудашные. Но в самом голодном 1943 году это малосъедобное сошло бы за десерт.

Все тяготы нас ожидали впереди. Практически промтоваров и продовольствия в магазине – никаких.

До 1943 года наша семья из пяти человек уже на своём дворе имела только несколько кур. Овцы и кролики были съедены. В этом году инфляция достигла своего пика: булка хлеба с рук стоила 600—700 рублей. Хлеб в магазине покупали только по хлебным карточкам. По ним причиталось 600 г хлеба рабочему, 400 г – служащему и 200 г – иждивенцам, т.е. дошкольникам, школьникам и старикам. Хлеб выпекался наполовину с какими-то примесями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.